

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

ДНЕВНИК
ОДНОЙ ИСТЕРИКИ,
или КАК Я ВЛЮБИЛАСЬ
В ЗЕЛЁНОГО.

Екатерина Мордвинцева

Дневник одной истерики, или Как я влюбилась в зелёного

<https://litres.ru/74211553>

Аннотация

Думаете, быть принцессой легко? Попробуйте-ка выжить после нападения наёмников, очнуться в лагере орков и закатить истерику суровому командиру с требованием вернуть туфли. Командир Гор терпел всё: мои капризы, истерики и даже собственного зверька Шнырка, который считает своим долгом подкладывать орку в сапоги кактусы. Но когда он, ворча, потащил меня на руках через горы, я поняла: кажется, я влипла. По уши. В зелёного, клыкастого и самого невыносимого орка на свете.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	43
Глава 5	59
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1

Казалось бы, что может быть сложного в сборах одной отдельно взятой принцессы в соседнее королевство? Ну, лошади, ну, кареты, ну, пара дюжин платьев, чтобы не ударить в грязь лицом перед будущими подданными. Ан нет. Моя дражайшая родительница, королева Изелина, умудрялась превратить этот процесс в военную операцию, достойную саг древних героев. Только вместо драконов у нас были корсеты, а вместо мечей — шпильки для волос.

— Лирана, солнце моё, ну как ты можешь быть такой безынициативной? — матушка всплеснула руками, и я едва увернулась от летящего в мою сторону кружевного воротника, который по своей агрессивности напоминал скорее удавку. — Ты вообще понимаешь, что через три недели ты должна произвести впечатление?

— На кого? На принца Леопольда? — я закатила глаза к потолку, расписанному сценами охоты. Честно говоря, сцены охоты меня сейчас интересовали куда больше, чем перспектива знакомства с женихом. — Мам, ну что за имя — Леопольд? Он что, мычит?

— Лирана! — голос королевы обрёл металлические нотки. — Принц Леопольд — блестящая партия! Его королевство граничит с нашим на востоке, у них сильная армия и...

— И скучные балы, на которых все ходят по струнке, —

закончила я за неё. — Я читала сводки. У них при дворе даже кошки маршируют.

Матушка пропустила мою колкость мимо ушей. Она вообще обладала уникальной способностью слышать только то, что хотела слышать. Например, слово «замуж» она слышала за три версты, а слово «не хочу» — никогда.

— Дорогая, — она подошла ближе и взяла меня за подбородок, поворачивая лицо к свету, — у тебя отличное приданое, хорошая кожа... если не считать вон той прыщика от шоколада, который ты тайком ешь по ночам...

Я возмущённо открыла рот, но она уже неслась дальше:

— ...но этого мало! Нужно, чтобы ты понравилась! А мужчинам, знаешь ли, нравятся талии!

— Мам, у меня нормальная талия.

— Нормальная — это для простых смертных, — фыркнула королева и с видом заговорщицы вытащила из вороха тряпок нечто ужасное. — Вот! Специально заказала у лучших портных Астории. Корсет утягивающий, с китовым усом и системой двойной шнуровки. Говорят, у орков сейчас мода на тонкую талию пошла, а мы чем хуже?

Я уставилась на это орудие пытки. Корсет был бежевым, с золотым шитьём и выглядел так, будто его задачей было не талию делать, а ломать рёбра напрочь.

— Мам, какие орки? Я за человека замуж выхожу, забыла?

— Ах, Лирана, — матушка махнула рукой, — какая раз-

ница? Мужчины везде одинаковы. Им главное — чтобы талия была, а глаза чтобы блестели. Всё остальное они замечают только после свадьбы, когда уже поздно. Так что давай, примеряй!

Спорить с королевой Изелиной было всё равно что спорить с ураганом. Бессмысленно и чревато. Ураган хотя бы сдувает и улетает, а матушка могла дуть в одном направлении часами, пока не добьётся своего. Именно благодаря этой её черте мой отец до сих пор носил те ужасные камзолы с рюшами, которые она ему выбрала двадцать лет назад.

— Я сама надену, — быстро сказала я, выхватывая корсет из её рук. — В своей комнате. Без свидетелей. Чтобы, если я умру при шнуровке, никто не видел моего позора.

— Ой, драматургиня, — хмыкнула матушка, но отстала.

Я выскользнула в коридор и чуть не столкнулась с отцом. Король Теодор, мой папа, стоял, прислонившись к стене, и с ужасом смотрел на дверь, за которой только что бушевала его супруга.

— Дочка, — выдохнул он, — ты как? Жива?

— Пока да, — я помахала корсетом. — Но у неё большие планы на мою грудную клетку.

Отец поморщился, как от зубной боли. Он был добрым, слегка рассеянным, обожал возиться с розами в саду и терпеть не мог придворные интриги. Матушка, соответственно, обожала всё это дело и с лихвой компенсировала его нелюбовь к политике.

— Лирана, нам нужно серьёзно поговорить, — он взял меня под локоть и увлёк в малую гостиную, подальше от ушей фрейлин и шпионов (которых матушка, конечно же, отрицала, но на всякий случай держала при дворе штук пять).

Мы устроились на диване. Я положила корсет на колени, какдохлую кошку, и приготовилась слушать. Отец редко говорил серьёзно, а если говорил — стоило внимать.

— Доченька, я понимаю, что этот брак — не самая романтичная история в мире, — начал он осторожно. — Леопольд... ну, скажем так, о нём ходят разные слухи.

— Какие? — насторожилась я. — Он горбатый? Шепелявый? Собирает бабочек и разговаривает с ними?

— Хуже, — вздохнул отец. — Говорят, он слишком правильный. Встаёт ровно в шесть, ложится ровно в десять, требует, чтобы суп в его присутствии ели абсолютно бесшумно, и носит с собой книжечку, куда записывает все нарушения этикета при дворе.

Я представила это. Всю оставшуюся жизнь. Суп без хлопанья. Замечания в книжечку. И никакого шоколада по ночам, потому что это, видите ли, «неподобающе принцессе».

— Папа, это шутка?

— К сожалению, нет. Но, — он поднял палец, — это всё равно лучший вариант из возможных. Их королевство богато, армия сильна, а его мать, королева-мать, — женщина властная и умная. Она будет держать всё под контролем.

— А Леопольд?

— А Леопольд будет записывать, — развёл руками отец.
— Лирана, пойми, нам нужен этот союз. С севера давят орки, с запада — непонятные твари лезут из Забытого Леса. Если мы не укрепим связи с соседями, нас просто сомнут. Ты — моя единственная дочь. Ты — разменная монета в этой игре. Прости меня за это.

Он выглядел таким несчастным, что я не выдержала и обняла его.

— Пап, ну чего ты? Я понимаю. Долг, корона, бла-бла-бла. Я справлюсь. Подумаешь, Леопольд. Буду есть суп так тихо, что он оглохнет от тишины.

Отец улыбнулся, но как-то грустно.

— Ты у меня умница. Но запомни главное: если что-то пойдёт не так, если тебе будет плохо или опасно — шли весточку. Я хоть и старый, но ещё могу навалить любому принцу, даже самому правильному.

— Ой, пап, — я чмокнула его в щёку. — Ты у меня воин ещё тот. Помню, как ты в прошлом году паука в моей спальне мечом рубил. Столько дырок в ковре сделал — до сих пор зашить не могут.

— Паук был огромный! — возмутился король. — И ковёр тот был безобразный, твоя мать его всё равно хотела выкинуть!

Мы посмеялись, и на душе стало чуточку легче.

Вернувшись в свои покои, я застала там настоящий погром. Сундуки были раскрыты, платья разложены по сту-

льям, кровати и, кажется, даже по люстре. Моя личная фрейлина и по совместительству лучшая подруга Милли металась между ними с блокнотом и карандашом.

— Лира! — завопила она, увидев меня. — Ты где ходишь?! Мы тут с ума сходим! Твоя мать прислала список того, что обязательно нужно взять, и там пятьдесят три пункта! Пятьдесят три, Лира! А у нас всего шесть сундуков!

— Милли, успокойся, — я плюхнулась в кресло и закинула ноги на пуфик. — Возьмём самое необходимое. Платья, бельё, туфли, шоколад.

— Шоколад? — Милли округлила глаза. — Ты серьёзно? В список входит пять парадных мантий, три дорожных костюма, двенадцать дневных платьев, шесть бальных, три ночных рубашки, две шубы, четыре пары перчаток, восемь шляпок, зонтик от солнца, зонтик от дождя, зонтик...

— Милли, стоп! — я замахала руками. — Мы едем на три недели, а не на войну. Ну, ладно, формально я еду навсегда, но в дороге мне столько не нужно. Шляпки оставляем. Берём три. Зонтики — один, который от всего сразу. Мантии — одну, самую красивую. А шоколад — все запасы.

Милли вздохнула, но послушно начала вычёркивать пункты из списка. Я любила её за это умение — не спорить, когда я права, а просто делать.

— Лира, — вдруг сказала она тихо, — тебе не страшно? Я задумалась. Страшно? Наверное, должно быть. Ехать в чужую страну, к чужому мужчине, к чужим порядкам. Но,

странное дело, настоящего страха не было. Было какое-то щекочущее любопытство, смешанное с уверенностью, что я со всем справлюсь. В конце концов, я двадцать лет прожила с матерью — после такого любой двор покажется санаторием.

— Не-а, — честно ответила я. — Представляешь, нет. Наверное, я просто ещё не осознала.

— А принца представляешь? — Милли мечтательно закатила глаза. — Говорят, у него глаза голубые, как небо, и волосы золотые, как пшеница.

Я фыркнула.

— Милли, ты описания из романов цитируешь. У него, скорее всего, глаза серые, как мыши, и волосы жидкие, как моя каша по утрам, которую я отказываюсь есть. Но, — я подняла палец, — если у него есть библиотека, где я смогу читать всё, что захочу, и он не будет мешать мне есть шоколад по ночам — я готова простить ему даже золотые кудри.

— А если он окажется романтичным? — не унималась Милли.

— А если я окажусь драконом и съем его на завтрак? — парировала я. — Милли, хватит читать сказки. В жизни всё скучно. Познакомимся, поженимся, родим пару наследников, и будем жить каждый своей жизнью. Он — в своих книжечках записывать, кто как чихнул, я — в своей библиотеке. Идеально.

Милли покачала головой, но спорить не стала. Вместо этого она вытащила откуда-то из-под вороха тряпок коробку и

протянула мне.

— Это тебе. Прощальный подарок.

Я открыла. Внутри лежал кинжал. Небольшой, изящный, с рукояткой, инкрустированной мелкими сапфирами, и лезвием, которое сверкало так, будто только что с точильного камня.

— Милли... — выдохнула я. — Ты с ума сошла? Зачем?

— В дороге всякое бывает, — подруга пожала плечами, но в глазах у неё плескалась тревога. — И вообще, принцесса должна уметь постоять за себя. А то вдруг твой правильный принц окажется неправильным?

— Милли, ты гений, — я обняла её, чуть не задушив. — Спрячу на дне сундука. Мать, если узнает, убьёт нас обеих. «Приличные девушки оружием не интересуются!»

— Ага, — хихикнула Милли, копируя интонации королевы. — «Приличные девушки интересуются корсетами и тем, как удачно выдать дочь замуж!»

Мы расхохотались так громко, что в дверь постучали и голос матушки осведомился, не сошли ли мы с ума и готов ли парадный портрет, который обязательно нужно взять с собой, чтобы будущий муж не забывал, как я выгляжу.

— Мам, я не собираюсь везти свой портрет! — заорала я в ответ. — Я сама себя везу, живьём!

— Живьём оно ненадёжно! — донёсся ответ. — Мало ли, по дороге подурнеешь!

Я закатила глаза так сильно, что, кажется, увидела соб-

ственный мозг.

Вечером, когда суматоха немного улеглась, я сидела на подоконнике в своей спальне и смотрела на закат. Небо полыхало оранжевым и розовым, где-то внизу сустились слуги, грузили последние сундуки. Завтра на рассвете мы выезжаем.

Странное чувство. Я никогда не покидала родного замка дальше, чем на день пути. А теперь — целое путешествие. Новая жизнь. Новый... муж.

Я попыталась представить Леопольда. Золотоволосый, скучный, с книжечкой. Он, наверное, будет читать мне нотации за неправильно подобранный бант. А я буду зевать и думать о шоколаде.

— Скукотища, — сказала я вслух пустоте.

И тут откуда-то снизу, из темноты сада, донёлся странный звук. То ли вой, то ли рык. Такой низкий, что вибрация прошла по стеклу, на котором я сидела.

Я вздрогнула и вгляделась в темноту. Ничего. Только кусты шевелятся от ветра.

— Показалось, — решила я.

Но где-то глубоко внутри шевельнулось неприятное предчувствие. Или, наоборот, предвкушение? Кто знает.

Я прыгнула с подоконника, подошла к сундуку и нащупала на самом дне подарок Милли. Кинжал. Провела пальцем по лезвию — острое.

— На всякий случай, — прошептала я, пряча его под по-

душку.

Засыпая, я думала о том, что завтра начнётся новая глава моей жизни. Я представляла её скучной, правильной и предсказуемой, как таблица умножения.

Я и представить не могла, насколько сильно ошибаюсь.

Потому что судьба, как выяснится совсем скоро, терпеть не может скучных и правильных историй. И вместо золотоволосого принца с книжечкой она готовила мне встречу с тем, кто умеет только рычать, ворчать и... спасать.

Но об этом я узнаю совсем скоро.

А пока — спать. Завтра в путь. Завтра — новая жизнь.

С этими мыслями я и провалилась в сон, даже не подозревая, что моя новая жизнь уже мчится ко мне навстречу. И мчится она на огромном коне, с топором за спиной и с таким суровым лицом, что при одном взгляде на которое у правильных принцев начинается нервная икота.

Но это, как говорят в романах, уже совсем другая история.

Глава 2

Если кто-то думает, что путешествие принцессы — это сплошной праздник, фанфары и встречные крестьяне, бросающие цветы под копыта лошадей, то этот кто-то никогда не путешествовал с моей матушкой. Она организовала отъезд с такой тщательностью, будто мы отправлялись не к соседям, а в пасть к дракону через территорию восставших мертвецов.

— Элинор, не верти головой! — крикнула матушка, когда карета тронулась. Она стояла на крыльце замка и махала платочком, но я-то знала: она высматривает, все ли корсеты погрузили. — Держи спину ровно! Ты принцесса, а не куль с картошкой!

Я послушно выпрямила спину, хотя очень хотелось высунуться в окно по пояс и заорать что-нибудь неприличное. Но нельзя. Принцессы не орут неприличное. Принцессы мило улыбаются и машут ручкой, даже если эта ручка затекла ещё на первом километре.

— Ваше высочество, может, прикроете окно? — прошелестела фрейлина Виолетта, самая старшая и самая кислая из всей свиты. — Сквозняк, знаете ли, очень вреден для кожи.

— А для настроения вредно сидеть в духоте, — парировала я, но окно прикрыла. Спорить с Виолеттой — всё равно что спорить со стеной. Стена хотя бы не читает нотаций.

В карете нас было четверо: я, Виолетта, две младшие фрейлины — погодки Лиззи и Бетси (дочки какого-то графа, вечно хихикающие и путающие правую руку с левой) — и огромная корзина с провизией, которую матучка запихнула в последний момент со словами: «В дороге всякое случится, а принцесса должна быть сыта!».

Первые два часа прошли относительно бодро. Мы выехали за пределы замка, проехали через город, где местные жители действительно махали и бросали цветы (правда, парочка букетов угодила прямо в лошадей, те взбрыкнули, и кучер долго матерился сквозь зубы, думая, что я не слышу). Я улыбалась, махала в ответ и чувствовала себя почти героиней романа.

А потом начались поля.

Бескрайние, унылые, одинаковые поля. Слева — пшеница, справа — тоже пшеница. Впереди — ещё пшеница. Сзади — ну, вы поняли.

— А где горы? — спросила Лиззи (или Бетси?), тыча пальцем в окно. — Мне мама говорила, в чужих краях горы высокие-превысокие!

— Это пока наши края, — объяснила я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — До границы ещё дня три ехать.

— Три дня?! — хором ахнули близняшки.

— Три дня только до границы, — уточнила Виолетта, не поднимая глаз от вышивания. — А потом ещё недели полторы до столицы принца Леопольда.

Тишина в карете стала какой-то тягучей, как мёд. Лиззи (или Бетси?) погрузнела, вторая сестра засопела, готовясь то ли заплакать, то ли заснуть. Виолетта методично тыкала иголкой в ткань, и этот звук начинал действовать мне на нервы.

— Может, песни петь будем? — предложила я.

— Ваше высочество, принцессы в пути не поют, — отрезала Виолетта, не отрываясь от вышивания. — Это неприлично. Голос слышно за версту, вдруг разбойники услышат и нападут?

— А если мы будем молчать, они, по-твоему, не догадаются, что в карете принцесса едет? — хмыкнула я. — У нас гербы на дверцах размером с доброго поросёнка.

Виолетта поджала губы, но промолчала. Она вообще любила поджимать губы. Наверное, считала это выражением глубокой мысли.

К вечеру первого дня я готова была выть. От тряски у меня затекла спина, от молчания — челюсть, а от вида бесконечных полей начало подёргиваться левое веко. Фрейлины достали нюхательные соли и по очереди прикладывали к носам, жалуясь на духоту, тряску и то, что их причёски «совершенно разрушены этой ужасной дорогой».

Я смотрела на их причёски. Лично я не замечала разницы: локоны висели так же кучеряво, как и утром. Но фрейлинам, видимо, положено жаловаться. Это входило в их обязанности.

— Ваше высочество, — прошелестела Виолетта, когда мы остановились на ночлег в какой-то деревне, — может, завтра вы переселяетесь в другую карету? К капитану стражи? Говорят, там лучше рессоры.

— К капитану? — я оживилась впервые за весь день.

Капитан Гарольд. Молодой, статный, с волевым подбородком и печальными глазами. Я заприметила его ещё при посадке. Он командовал отрядом сопровождения — два десятка крепких парней, все при мечях, все серьёзные. А капитан был серьёзнее всех.

— А разве это прилично? — невинно поинтересовалась я. — Принцессе — в карету к мужчине?

Виолетта замялась.

— Ну... вообще-то... но там действительно лучше рессоры...

— Решающе, — я хлопнула в ладоши. — Завтра еду с капитаном! Для пользы дела. Буду следить, чтобы он правильно охранял мою драгоценную особу.

Виолетта посмотрела на меня с подозрением, но спорить не решилась. Ещё бы — я же принцесса. Иногда этим можно пользоваться.

Утро второго дня встретило нас противным морозящим дождём.

Карета капитана Гарольда действительно оказалась меньше, но трясло в ней почему-то сильнее. Зато рядом сидел живой мужчина, а не кислые фрейлины.

Правда, живой мужчина, едва я забралась внутрь, стал похож на варёного рака.

— В-ваше в-высочество! — заикаясь выдохнул капитан, когда я плюхнулась напротив него. — Я... э-это... н-неожиданная ч-честь!

— Капитан Гарольд, — я улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой, — ну что вы! Это мне честь — путешествовать в обществе такого доблестного воина. Вы, наверное, столько драконов победили?

— Д-драконов? — глаза капитана стали круглыми, как блюдца. — Я... н-не... у нас в-в округе драконов н-нет...

— А разбойников? — не унималась я. — На вас точно нападали разбойники! С такими плечами... ой, то есть с такой выправкой!

Капитан Гарольд открыл рот, закрыл, снова открыл и выдал какой-то странный звук, похожий на писк комара. Его лицо из розового стало пунцовым, а на лбу выступила испарина, хотя в карете было прохладно.

— Я... э-то... мы... один р-раз...

— Расскажите! — потребовала я, подаваясь вперёд. — Я обожаю героические истории!

— Т-там н-нечего р-рассказывать... — капитан вжался в стенку кареты, как будто я была не принцессой, а огнедыша-

щим чудовищем. — П-пьяные к-крестьяне... п-перепутали дорогу...

— И вы их всех победили? — глаза я сделала огромные, наивные.

— Я... м-мы... они с-сами упали... — капитан схватился за флягу с водой и принялся пить большими глотками, хотя, кажется, не хотел пить, а просто пытался спрятать лицо.

Я вздохнула. Флирт явно не удался. Капитан был настолько застенчив, что краснел даже от слова «меч», а когда я случайно коснулась его рукава, пытаясь рассмотреть пряжку на его плаще, он подпрыгнул так, что стукнулся головой о потолок кареты.

— В-всё в п-порядке! — выпалил он, потирая ушиб. — Н-не беспокойтесь!

— Капитан, вы меня боитесь? — прямо спросила я.

— Ч-что вы! — он замахал руками. — Я... вы... э-то... принцесса! А я... простой в-воин!

— И что? Простые воины тоже люди.

— Н-но вы... вы к-как с-солнышко! — выпалил он и тут же зажал рот рукой, понимая, что ляпнул лишнее.

Я невольно рассмеялась. Капитан Гарольд был таким милым в своём смущении, что даже обижаться на него за проваленный флирт не хотелось. Он смотрел на меня так, будто я была божеством, случайно спустившимся с небес, и каждое моё слово воспринимал как откровение.

— Ладно, капитан, — я откинулась на сиденье, — расска-

жите лучше, что там впереди? Долго ещё до границы?

— Д-два дня... — выдохнул он с облегчением, радуясь смене темы. — Если дождь не р-размоет дорогу.

Дождь, конечно, размыл. К обеду мы тащились со скоростью пешехода, колёса увязали в грязи, кучер матерился уже не сквозь зубы, а в полный голос, и даже невозмутимая Виолетта начала заметно нервничать.

Я вернулась в свою карету, потому что капитан Гарольд, проведя со мной полдня, начал заикаться так сильно, что я боялась, как бы у него язык не свело судорогой. Близняшки встретили меня жалобами на скуку, Виолетта — вышиванием и молчанием.

— Есть хочется, — капризно заявила Лиззи (или Бетси?).
— А эти бутерброды уже чёрствые!

— В корзине должно быть пирожное, — вспомнила я. — Матушка лично клала. С заварным кремом.

Я откинула крышку корзины и замерла.

Пирожного не было.

Вместо него на остатках салфетки, испачканной кремом, сидело нечто.

Нечто было размером с небольшого котёнка, пушистое, с огромными глазищами, в которых горело неподдельное удовольствие. Мордочка нечто была перепачкана кремом, а лапки сжимали остатки моей законной сладости.

— А-а-а! — взвизгнула Лиззи (или Бетси?). — Чудовище!

— Мышь! — подхватила вторая.

— Какая же этомышь, — фыркнула Виолетта, но побледнела и отодвинулась подальше. — Мыши так не выглядят.

Нечто действительно не быломышью. У него была пушистая шёрстка цвета тёмного шоколада, длинный хвост с кисточкой на конце, смешные ушки с рыжими пятнышками и глаза — огромные, янтарные, совершенно бесстыжие.

На нас это нечто смотрело с выражением: «Ну и что вы сделаете? Я тут главный».

— Оно съело моё пирожное, — медленно произнесла я.

Зверёк согласно кивнул. Честное слово, кивнул! И облизнулся.

— Оно разумное? — ахнули близняшки хором.

— Оно нахальное, — поправила я.

Зверёк согласно кивнул снова, потом встал на задние лапки, отряхнул передние от крошек и сделал шаг в мою сторону.

— Не смей! — зашипела Виолетта. — Ваше высочество, закройте корзину! Мало ли что это за тварь, вдруг она ядовитая или заразная!

Зверёк посмотрел на Виолетту с таким презрением, что даже я почувствовала себя неуютно. Потом он ловко перепрыгнул через край корзины и, не спрашивая разрешения, забрался ко мне на колени.

— Ах! — выдохнули близняшки.

— Уберите это немедленно! — потребовала Виолетта.

Я замерла. Зверёк устроился поудобнее, свернулся клу-

бочком и... замурлыкал. Он мурлыкал не как кошка, а как маленький моторчик, и от этого звука у меня внутри разлилось тепло.

— Ты кто такой? — спросила я шёпотом.

Зверёк приоткрыл один глаз, посмотрел на меня с выражением «Какая разница? Главное, что я здесь», и снова закрыл.

И тут я поняла. Это оно. То самое развлечение, которого мне так не хватало. Подумаешь, пирожное! Пирожных у меня в жизни было много, а такое чудо — впервые.

— Я оставлю его, — объявила я.

— Ваше высочество! — возопила Виолетта. — Это невозможно! Неизвестное животное! Вдруг оно разносчик болезней? Вдруг оно покусает вас ночью?

— Не покусает, — уверенно сказала я. — Оно уже получило своё пирожное, так что согласно и довольное.

В доказательство зверёк довольно чихнул и выпустил коготь, зацепив мою юбку. Я не обиделась.

— Но как мы его назовём? — оживились близняшки, мгновенно забыв о страхе. — Пушистик?

— Кремчик?

— Шалун?

Зверёк при этих именах дёргал ухом и неодобрительно сопел.

— Шнырк, — вдруг сказала я.

Все уставились на меня.

— Почему Шнырк? — спросила Лиззи.

— Потому что он шныряет, где не надо, — объяснила я.

— В корзину залез, пирожное украл, на колени уселся без спросу. Чистый Шнырк.

Зверёк — теперь уже Шнырк — открыл глаза, внимательно посмотрел на меня, подумал и... кивнул. Снова кивнул! Имя явно пришлось ему по душе.

— С ума сойти, он понимает человеческую речь, — прошептала Бетси.

— Или делает вид, — хмыкнула я.

Шнырк ткнулся носом мне в ладонь и замурлыкал громче. Я почесала его за ухом. Шёрстка оказалась невероятно мягкой, как пух одуванчика, и тёплой.

— Ваше высочество, — Виолетта сделала последнюю попытку, — ваш батюшка будет недоволен. Это же не домашнее животное, это дикий зверь!

— Во-первых, какой же он дикий, если сам к людям пошёл? — парировала я. — Во-вторых, батюшка будет рад, что у меня появилось хоть какое-то развлечение в этой бесконечной дороге. А в-третьих, Виолетта, если ты скажешь ещё хоть слово против, я попрошу переселить тебя в карету к капитану Гарольду. Ему как раз не хватает компании.

Виолетта побледнела и заткнулась. Капитана Гарольда она боялась едва ли не больше, чем Шнырка. Ходили слухи, что когда-то давно он отказался танцевать с ней на балу, и с тех пор она считала его личным врагом.

Шнырк, почувствовав, что битва выиграна, развалился на моих коленях, подставив пузико. Я почесала и пузико. Он зажмурился от удовольствия.

— Хороший Шнырк, — сказала я. — Будешь моим тайным оружием против скуки.

До вечера Шнырк проспал у меня на коленях, лишь изредка открывая глаза, чтобы проверить, не появилось ли ещё пирожных. Близняшки сначала боялись к нему прикоснуться, но к закату уже пытались гладить, а Шнырк великодушно позволял, хотя иногда щипал их за пальцы — не больно, скорее предупреждающе.

Когда мы остановились на ночлег в придорожном трактире, я взяла Шнырка с собой, спрятав под накидкой. Виолетта делала вид, что не замечает, потому что я пообещала ей новую шкатулку для рукоделия по приезду.

В моей комнате Шнырк первым делом обследовал все углы, залез в мой саквояж, вытащил оттуда носовой платок, долго с ним играл, а потом свернулся калачиком на подушке, явно намереваясь спать именно там.

— Наглая морда, — ласково сказала я, ложась рядом.

Шнырк согласно муркнул и ткнулся носом мне в ухо.

Я лежала и думала: может, это знак? Может, не всё в этом путешествии будет серым и скучным? Может, этот маленький пушистый разбойник — предвестник чего-то... необычного?

Шнырк во сне дёрнул лапой и смешно засопел. Я улыбну-

лась и закрыла глаза.

Впервые за два дня пути я засыпала не с мыслью о том, как всё уныло, а с предвкушением. Интересно, что ещё подкинет мне дорога?

Шнырк во сне икнул.

— Спи, разбойник, — прошептала я. — Завтра новый день. И новые приключения.

Я ещё не знала, что приключения уже мчатся ко мне навстречу. И что через несколько дней слово «скучно» исчезнет из моего лексикона навсегда.

Глава 3

Утро третьего дня пути встретило нас подозрительной тишиной.

Даже дождь, который моросил последние сутки без перерыва, вдруг прекратился. Туман стелился по земле белыми космами, цеплялся за колёса повозок, обвивал ноги лошадей. Воздух стоял влажный и тяжёлый, как мокрая простыня.

— Красиво как! — восхитилась Лиззи, выглядывая в окошко. — Прямо как в той балладе про призраков!

— Про призраков? — переспросила я, насторожившись. — И чем та баллада заканчивалась?

— Ну... все умерли, — беззаботно отмахнулась Лиззи. — Но это же красиво!

Шнырк, дремавший у меня на коленях, вдруг поднял голову, принялся и недовольно фыркнул. Уши его насторожились, шерсть на загривке слегка приподнялась.

— Что, Шнырчик? — я почесала его за ухом. — Туман не нравится?

Шнырк глянул на меня своими янтарными глазищами, и в этом взгляде мне почудилось что-то тревожное. Но я отмахнулась — мало ли что может не нравиться пушистому разбойнику. Может, пирожных с утра не дали.

Виолетта, как обычно, вышивала. Она вышивала всегда и везде — в карете, в трактире, даже на привалах умудрялась

доставать своё рукоделие и методично тыкать иглой. Я подозревала, что внутри у неё вместо сердца — маленький напёрсток, а вместо души — моток мулине.

— Ваше высочество, — произнесла она, не поднимая глаз, — говорят, в этих краях беспокойно в последнее время.

— В смысле?

— Разбойники, — многозначительно сказала Виолетта. — Говорят, шайка объявилась. Нападают на обозы, грабят купцов.

— Так у нас военная охрана, — напомнила я. — Целых два десятка солдат во главе с отважным капитаном Гарольдом.

При упоминании капитана Виолетта дёрнулась так, будто я сказала что-то неприличное.

— Отважным... — буркнула она себе под нос. — Скорее уж заикающимся.

Я усмехнулась. Вчера вечером, когда мы останавливались на привал, капитан Гарольд пытался отдать распоряжение своим людям и заикался так сильно, что приказ поняли только с третьей попытки, да и то методом угадывания. Бедняга краснел так, что казалось, ещё чуть-чуть — и загорится.

Но, справедливости ради, солдаты его уважали. Командовал он уверенно, когда не надо было говорить, и в седле держался отлично. Просто женское общество, особенно моё, действовало на него как удав на кролика.

— Виолетта, не будь злой, — попросила я. — Капитан

хороший человек. Просто стеснительный.

— В его возрасте уже не стесняются, а действуют, — отрезала фрейлина.

Я закатила глаза. Виолетте было около сорока, и она искренне считала, что все мужчины до тридцати — мальчишки, а после тридцати — либо женаты, либо безнадёжны. Капитан Гарольд подпадал под первую категорию, поэтому в её глазах был никем.

Шнырк вдруг завозился, спрыгнул с моих коленей и забился в угол кареты, под корзину с провизией. Оттуда донёлся тихий, почти неслышный рык.

— Шнырк, ты чего? — удивилась я.

Но Шнырк не ответил. Он затих, только глаза горели в полумраке двумя янтарными огоньками.

— Станный он у вас, — заметила Лиззи.

— Не странный, а умный, — поправила я. — Чует что-то.

— Пирожное чует, — фыркнула Бетси. — Вон, в корзине ещё остались.

Я хотела ответить, но в этот момент карета резко остановилась. Так резко, что мы все попадали друг на друга. Виолетта укололась иголкой и взвизгнула, близняшки заблеяли, как испуганные овечки, а я больно стукнулась локтем о дверцу.

— Что случилось?! — крикнула я, пытаюсь высунуться в окно.

Ответа не последовало.

А потом началось.

Сначала я слышала крики. Не те крики, которыми обмениваются солдаты на привале, а настоящие — полные ужаса и боли. Потом лязг металла. Потом конское ржание, переходящее в визг.

— Сидеть тихо! — рявкнула я на фрейлин, сама не ожидая от себя такой командирской ноты.

Я распахнула дверцу кареты и выглянула наружу.

И пожалела об этом.

Нас атаковали.

Люди в чёрных плащах, с закрытыми лицами, налетели на наш отряд, как коршуны на цыплят. Их было много — гораздо больше, чем наших солдат. Они двигались быстро, слаженно, жестоко.

Капитан Гарольд пытался организовать оборону, но его сбили с коня в первые же секунды. Я видела, как он упал в грязь, как над ним взметнулся меч...

— Нет! — вырвалось у меня.

Но меч опустился, и капитан замер.

Моих солдат рубили, как капусту. Они пытались сопротивляться, но нападавшие были профессионалами — не разбойники, нет. Настоящие воины. Наёмники.

— Элинор, закрой дверцу! — заверещала Виолетта, хватая меня за руку. — Закрой немедленно!

Я отшвырнула её. Не со зла, просто на автомате.

— Бегите! — крикнула я фрейлинам. — В лес! Прячь-

тесь!

Лиззи и Бетси, трясущиеся от страха, вывалились из кареты и, подхватив юбки, побежали к деревьям. Виолетта замешкалась, но потом тоже рванула следом.

Я осталась одна.

Шнырк вылез из-под корзины, подбежал ко мне и вцепился зубами в подол платья, пытаясь утянуть меня обратно в карету.

— Не могу, малыш, — прошептала я. — Там люди гибнут.

Я схватила единственное, что попало под руку — зонтик. Тот самый, матушкин, с кружевными оборками и деревянной ручкой. Глупое оружие против мечей. Но другого у меня не было.

Я выпрыгнула из кареты.

Картина вокруг напоминала ад.

Наши солдаты лежали в грязи. Кто-то ещё шевелился, кто-то уже нет. Кровь смешивалась с дождевой водой, и вся эта жижа чавкала под ногами нападавших, которые теперь окружили мою карету.

— Принцесса! — услышала я насмешливый голос. — Сама вышла. Какая честь.

Главный нападавший — высокий, широкоплечий, с закрытым платком лицом — спрыгнул с коня и направился ко мне. В руке у него был меч, с лезвия капала кровь. Чья — догадаться нетрудно.

— Кто вы? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дро-

жал. Получалось плохо. — Что вам нужно?

— Тебя, принцесса, — оскалился он. — Живьём. Ну или не совсем живьём — это уж как получится.

— Я дочь короля Теодора! — выпалила я, пятясь назад. — За меня потребуют выкуп! Огромный выкуп!

— Выкуп уже заплатили, — хохотнул нападавший. — Причём очень щедро. Так что не дёргайся, девочка, будет больно.

Он двинулся ко мне.

Я отступала, спотыкаясь о тела, о комья грязи, о собственный страх. Шнырк бежал рядом, вцепившись в подол, и издавал такие злобные звуки, на которые только способно существо размером с котёнка.

— А это что за крыса? — удивился нападавший, заметив Шнырка.

— Сам ты крыса! — выпалила я и с размаху ударила его зонтиком.

Зонтик, конечно, раскрылся прямо ему в лицо. На секунду наёмник ослеп от кружевных оборок, споткнулся и чуть не упал.

— Ах ты дрянь! — взревел он, срывая с лица зонтик и ломая его одним движением.

Шнырк, воспользовавшись моментом, прыгнул на ногу нападавшего и вцепился в штанину. Тот взвыл, попытался сбросить зверька, но Шнырк висел мёртвой хваткой.

— Шнырк, беги! — закричала я.

Но Шнырк не слушал. Он кусал, царапал и рычал так, будто был не пушистым комочком, а диким тигром.

Нападавший пнул его ногой. Шнырк отлетел в сторону, ударился о колесо кареты и затих.

— Нет! — я рванулась к нему, но меня схватили.

— Хватит игр, — прорычал главный. — Вяжите её.

Кто-то схватил меня за руки. Я брыкалась, кусалась, царапалась — в ход шли все приёмы, которым меня учила няня в детстве, когда мы играли в «принцессу и дракона». Только сейчас дракон был настоящим, и он не собирался отпускать добычу.

— Угомонись, — кто-то замахнулся.

Я увидела летящий в лицо кулак. Или не кулак? Кажется, рукоять меча. Удар пришёлся в висок. Мир взорвался болью и искрами.

Последнее, что я увидела перед тем, как провалиться в темноту — это Шнырк. Он поднялся, пошатываясь, и снова попытался ползти ко мне. Маленький, отважный, безумный Шнырк.

— Беги... — прошептала я, но губы уже не слушались.

Тьма поглотила меня.

Сознание возвращалось рывками.

Сначала — боль. Голова раскалывалась так, будто внутри

поселился злобный гном с отбойным молотком. Потом — запах. Пахло дымом, кожей и ещё чем-то диким, звериным, незнакомым.

Потом — звуки. Чьи-то грубые голоса, говор непонятный, гортанный. И конское ржание.

Я попыталась открыть глаза. Получилось не сразу — веки будто налили свинцом. Но когда открылись, я пожалела об этом.

Надо мной склонилось чудовище.

Зелёное. С клыками. С глазами, горящими жёлтым огнём. Оно смотрело на меня без всякого выражения, будто на букашку, случайно придавленную сапогом.

— Очухалась, — сказала чудовище голосом, похожим на скрежет камней.

Я заорала.

Орала я громко, самозабвенно и очень-очень долго. Во мне словно открылось второе дыхание — дыхание ужаса. Я орала всё, что знала: проклятия, молитвы, отрывки из баллад и даже рецепт яблочного пирога, который вдруг всплыл в памяти.

— Рот закрой, — равнодушно посоветовало чудовище.

Я не закрыла.

Чудовище вздохнуло так тяжело, что у меня волосы на голове шевельнулись от ветра, и отошло в сторону.

— Командир, эта очухалась и орёт. Что делать?

Я замолчала, чтобы понять, кто тут командир и можно ли

с ним договориться.

В проёме шатра появился ещё один. Тоже зелёный. Тоже с клыками. Но этот был... другой. Больше. Суровее. И от него исходило такое ощущение силы, что мне захотелось забиться под одеяло и никогда не вылезать.

Он посмотрел на меня. Всего лишь посмотрел. А мне показалось, что меня придавили скалой.

— Кто такая? — спросил он. Голос низкий, рокочущий, как далёкий гром.

— Сам ты кто такая! — выпалила я, потому что от страха становишься либо тихой, либо наглой. Я стала наглой. — Я принцесса Элинор, дочь короля Теодора! А вы кто такие и почему я здесь?

— Орки, — коротко ответил командир.

Я моргнула.

— Какие ещё орки?

— Зелёные, — встрял первый, тот, с клыками, и ухмыльнулся. — С клыками. Не видишь, что ли?

Я пригляделась. Действительно. Зелёные, огромные, клыкастые. Орки. Настоящие орки. О которых няня рассказывала в страшилках на ночь. Которые едят младенцев и пьют кровь поверженных врагов.

— А-а-а-а! — заорала я снова.

— Хватит орать, — рявкнул командир, и от этого рыка у меня зубы заклацали.

Я заткнулась. Просто потому, что поняла: этот не будет

церемониться. Если я не замолчу, он найдёт способ меня заткнуть, и способ этот вряд ли мне понравится.

— Где мои люди? — спросила я, стараясь говорить спокойно. — Фрейлины, солдаты... капитан Гарольд?

— Твои люди мертвы, — равнодушно сказал командир. — Все.

Мир покачнулся. Капитан Гарольд, который краснел и заикался... Лиззи и Бетси, которые вечно путали, кто из них кто... даже противная Виолетта со своим вечным вышиванием... Все мертвы?

— А... Шнырк? — выдохнула я.

— Что?

— Зверёк такой, маленький, пушистый... был со мной...

Командир повернулся к первому орку и что-то спросил на своём языке. Тот пожал плечами и ответил.

— Не видели, — перевёл командир. — Мелкий, наверное, затоптали.

— Нет! — я рванулась вперёд, забыв о страхе. — Вы обязаны его найти! Он маленький, он без меня пропадёт!

— Я никому ничего не обязан, — отрезал командир. — Ты пленница. Сиди тихо.

— Какая ещё пленница?! — возмутилась я, хотя логика подсказывала, что спорить с орком, который в два раза больше тебя, — идея так себе. — Я принцесса! Меня нужно вернуть отцу! Он заплатит выкуп!

— Мы не берём выкупов.

— А что вы берёте?

— Головы врагов, — оскалился первый орк.

Я сглотнула. Шутка это была или нет — проверять не хотелось.

— Послушайте, — я глубоко вздохнула, пытаюсь собраться, — я не знаю, кто вы и зачем меня похитили, но моему отцу это очень не понравится. У него большая армия. Он придёт за мной.

— Пусть приходит, — пожал плечами командир. — Места на кладбище хватит всем.

Он развернулся и вышел из шатра, отдав на ходу какой-то приказ. Первый орк задержался, окинул меня любопытным взглядом и тоже ушёл.

Я осталась одна.

Сидеть на куче каких-то шкур, в чужом шатре, в плену у орков, без единой знакомой души, без Шнырка... Я вдруг почувствовала себя такой маленькой и беспомощной, какой не чувствовала никогда в жизни.

И тут я заплакала.

Плакала я долго, в голос, размазывая слёзы по щекам и шмыгая носом. Никогда не думала, что принцессы вообще плачут — в книгах они всегда мужественно переносят любые невзгоды. Но в книгах не писали, каково это — оказаться одной в стане врагов, без надежды на спасение.

Сколько я так прорыдала — не знаю. Может, час, может, два. Но в какой-то момент сквозь всхлипы я услышала стран-

ный звук. Тихий, жалобный, царапающийся.

Я замерла.

Звук повторился. Кто-то скрёбся у входа в шатёр, снаружи.

— Кто там? — шёпотом спросила я.

В ответ раздалось знакомое «шнырк-шнырк».

Сердце подпрыгнуло от радости.

Я вскочила, подбежала к пологу шатра, приподняла край...

На меня смотрел Шнырк.

Грязный, мокрый, с какой-то соломой в шерсти, но живой! В зубах он держал... мой зонтик. Вернее, то, что от него осталось — жалкую деревянную ручку с обрывками кружев.

— Шнырчик! — я рухнула на колени и схватила его в охапку. — Живой! Родной мой! Маленький мой!

Шнырк выронил зонтик, ткнулся мордочкой мне в шею и задрожал. Он дрожал всем телом, мелко-мелко, и я поняла, как же ему было страшно. Но он пришёл. Он меня нашёл.

— Глупенький, — шептала я, прижимая его к себе. — Зачем вернулся? Здесь же опасно!

Шнырк лизнул меня в щеку и что-то проурчал. Я перевела это как: «Ты моя мама, куда ж я без тебя».

Мы сидели так, обнявшись, и потихоньку я успокаивалась. Шнырк грел, Шнырк пах домом, Шнырк был тем островком нормальности в этом безумном мире, за который я могла уцепиться.

— Ваше высочество! — вдруг раздался ехидный голос снаружи. — Ах, какая трогательная сцена!

Я подняла голову.

В проёме шатра стоял тот самый первый орк, который назвал меня «очухалась». Он с интересом разглядывал нас со Шнырком, и на его зелёной роже читалось откровенное веселье.

— Что тебе надо? — буркнула я, инстинктивно прикрывая Шнырка рукой.

— Командир зовёт, — орк хмыкнул. — Сказал, если не придёшь — принесём силой. А силой, сама понимаешь, больнее будет.

— Я приду, — я встала, не выпуская Шнырка из рук. — Но зверёк пойдёт со мной.

— Это та крыса, что ли?

— Это не крыса! — возмутилась я. — Это Шнырк. И если вы его тронете, я... я...

— Что? — заинтересовался орк.

— Я объявлю голодовку! — выпалила я первое, что пришло в голову.

Орк расхохотался. Смеялся он громко, раскатисто, так что у меня уши заложило.

— Идём, принцесса, — отсмеявшись, сказал он. — Командир не любит ждать. И крысу свою бери. Посмотрим, что он скажет.

Шнырк при слове «крыса» недовольно фыркнул и показал

орку язык. Самый настоящий язык! Я даже рот открыла от удивления.

— Он у тебя с характером, — одобрительно заметил орк.
— Это хорошо. Значит, выживет.

Мы вышли из шатра.

То, что я увидела, заставило меня замереть на месте.

Лагерь орков. Настоящий военный лагерь. Везде костры, шатры, оружие, кони — огромные, лохматые, не чета нашим изящным лошадам. И повсюду орки. Зелёные, огромные, с клыками, с топорами и мечами, в кожаных доспехах. Они смотрели на меня с любопытством, как на диковинного зверя.

Я шла сквозь этот строй, прижимая к себе Шнырка, и старалась не споткнуться. Получалось плохо — ноги тряслись, колени подкашивались, а от взглядов этих чудовищ хотелось провалиться сквозь землю.

— Смелая, — услышала я чей-то шёпот. — Не плачет.

— Ещё заплачет, — ответил другой голос.

Я сжала зубы и пошла дальше.

Командир сидел у большого костра в центре лагеря. Он что-то ел из миски, огромной, как таз, и даже не поднял головы, когда я приблизилась.

— Стоять, — бросил он, не глядя.

Я остановилась. Шнырк зарычал, но я прижала его крепче.

— Тебя нашли у дороги, — начал командир, продолжая

жевать. — Без сознания, одну. Вокруг трупы. Много трупов. Твои люди погибли все. Нападавшие ушли. Мы подобрали тебя, потому что в этих землях не оставляют раненых. Даже людей.

— Кто напал? — спросила я.

— Не знаю. Профессионалы. Сработали чисто. Забрали всё ценное и ушли.

— А я? Почему меня не забрали?

Командир поднял голову и посмотрел на меня. В его жёлтых глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— А ты им была не нужна. Тебя хотели убить. Просто не успели — мы подоспели.

— Убить? — я похолодела. — Но зачем? Я принцесса, меня можно обменять на выкуп...

— Значит, кому-то нужна не выкуп, а твоя смерть, — отрезал командир. — Думай, принцесса. Кому ты так насолила?

Я задумалась. Насолить я могла многим. Например, придворным, которым не нравилось, что я слишком много себе позволяю. Или соседям, которые хотели бы ослабить моего отца. Или... мать принца Леопольда, которая якобы так рада этому браку? Слухи-то ходили разные.

— Не знаю, — честно сказала я.

— Узнаешь. Если захочешь жить. А пока — ты наша пленница. Будешь делать, что скажут.

— Я требую, чтобы меня вернули отцу! — выпалила я,

забыв о страхе. — Немедленно! Я принцесса, а не какая-то...

— А кто ты здесь? — перебил командир. — Здесь ты — никто. Обычная человеческая самка, которую мы подобрали на дороге. Хочешь жить — слушайся. Не хочешь — пеняй на себя.

Он махнул рукой, и тот самый первый орк, который привёл меня, схватил за плечо и потащил обратно к шатру.

— Отпусти! — закричала я, брыкаясь. — Я буду жаловаться! Я всё расскажу отцу! Он вас всех...

— Ай, молчи, — лениво посоветовал орк. — Командир у нас добрый, но если доведёшь — прибьёт и не поморщится. Ты лучше поешь да поспи. Завтра новый день.

Меня впихнули обратно в шатёр, бросили следом какой-то свёрток с едой, и ушли.

Я осталась одна. Со Шнырком на руках, с разбитой головой, с миллионом вопросов без ответов.

— Шнырк, — прошептала я, — что же это делается? Как мы отсюда выберемся?

Шнырк посмотрел на меня серьёзными янтарными глазами и ткнулся носом в ладонь. Мол, не бойся, я с тобой.

Я развернула свёрток. Там оказалось вяленое мясо, кусок хлеба и какая-то зелень. Есть не хотелось, но я заставила себя проглотить немного — силы нужны. Шнырк тоже жевал мясо, довольно урча.

— Ладно, — сказала я, когда мы поели. — Будем выбираться. Но сначала — разберёмся, что к чему.

Я легла на шкуры, укрылась какой-то попоной, прижала к себе тёплый пушистый комочек и закрыла глаза.

Голова болела, но уже не так сильно. Мысли путались, но одна была яснее ясного: меня хотели убить. И тот, кто это затеял, не остановится.

А значит, мне нужны союзники. Даже если эти союзники — зелёные, клыкастые и пахнут дымом и кожей.

С этой мыслью я и провалилась в сон.

Мне снились орки. Огромные, страшные, но почему-то не пугающие. Снился командир с жёлтыми глазами, который смотрел на меня и что-то говорил на своём языке. И снился Шнырк, который сидел у него на плече и показывал язык.

Станный сон. Странная жизнь. Странное будущее.

Но выхода нет. Придётся плыть по течению и надеяться, что оно вынесет к берегу, а не в водопад.

— Добро пожаловать в новую жизнь, Элинор, — прошептала я себе перед сном. — Не благодари.

И уснула.

Глава 4

Сознание возвращалось медленно, неохотно, будто не хотело иметь ничего общего с реальностью. И я его понимала.

Сначала я почувствовала запах. И это был не тот запах, к которому привыкла принцесса. Ни лаванды, ни розовой воды, ни даже привычного запаха воска от свечей. Это пахло кожей — грубой, выделанной явно кустарным способом. Пахло дымом, въевшимся в каждую вещь. Пахло потом, лошадьми и чем-то ещё, диким, звериным, опасным.

Я заставила себя открыть глаза.

На меня смотрел потолок. Точнее, не потолок, а кусок грубой ткани, натянутый на шесты. Шатёр. Я в шатре.

Воспоминания предыдущего дня (или дней?) обрушились лавиной. Нападение. Кровь. Капитан Гарольд, падающий с коня. Зонтик. Удар. Темнота.

А потом... орки.

Я резко села и тут же пожалела об этом. Голову прострелило болью, перед глазами заплясали искры. Я схватилась за висок и зашипела от боли.

— Очухалась, — раздался чей-то голос совсем рядом.

Я подняла глаза и чуть не заорала снова.

Вокруг меня сидели орки.

Их было много. Целое собрание зелёных рож с клыками, жёлтыми глазами и совершенно непроницаемыми выраже-

ниями лиц. Они сидели на корточках, на каких-то ящиках, на шкурах, и все как один смотрели на меня.

Я дёрнулась, ища взглядом Шнырка. Где он? Неужели его поймали? Или...

— Шнырк! — выпалила я.

Орки переглянулись.

— Чего? — спросил один, самый близкий.

— Шнырк! — повторила я. — Зверёк такой, маленький, пушистый! Где он?!

— А, крыса твоя, — понимающе кивнул орк. — Не ссы, цела. В углу сидит, боится.

Я повернула голову и действительно увидела Шнырка. Он забился в самый дальний угол шатра, прижался к какой-то поклаже и смотрел на орков круглыми от ужаса глазами. Увидев, что я очнулась, он жалобно пискнул, но с места не сдвинулся — слишком страшно было пробираться через лес зелёных ног.

— Шнырк, иди ко мне, — позвала я.

Шнырк посмотрел на орков, на меня, снова на орков, и, видимо, решил, что мама всё-таки меньше страшных незнакомцев. Он шмыгнул между ног орков (некоторые даже не пошевелились, только проводили его взглядами) и запрыгнул ко мне на колени. Я обхватила его руками и только тогда почувствовала себя хоть немного в безопасности.

— Смешная зверушка, — заметил тот же орк. — Я таких не видел. Откуда он?

— Это мой, — отрезала я, пытаюсь придать голосу уверенности. Получалось плохо — голос дрожал, как осиновый лист. — А вы кто такие и почему я здесь?

— Орки мы, — пожал плечами орк, будто это всё объясняло.

— Я вижу, что орки! — воскликнула я. — Я спрашиваю: кто вы конкретно? И где мои люди? Где моя стража? Где капитан Гарольд?

Тишина в шатре стала какой-то тяжёлой. Орки снова переглянулись, и на их зелёных рожах появилось выражение, которое я не смогла сразу расшифровать. То ли сожаление, то ли равнодушие, то ли раздражение.

— Твои люди мертвы, — сказал орк без всякой интонации. — Все.

Мир качнулся. Капитан Гарольд, который краснел от одного моего взгляда... Лиззи и Бетси, которые вечно путали, кто из них кто... Виолетта с её вечным вышиванием... Все?

— Не может быть, — прошептала я. — Их было два десятка...

— Два десятка против полусотни наёмников, — пожал плечами орк. — У наёмников был приказ не оставлять свидетелей. Они не оставили. Кроме тебя.

— Почему кроме меня?

— Не успели. Мы подоспели.

Я хотела спросить ещё что-то, но в этот момент полог шатра откинулся, и вошёл ОН.

Я поняла это сразу. Потому что остальные орки, которые до этого сидели расслабленно, вдруг подобрались, выпрямились, и даже дышать стали тише.

Вошедший был огромен. Даже по меркам орков. Под два метра ростом, широченные плечи, которые едва помещались в проёме, руки толщиной с мою талию, и лицо... лицо, высеченное из камня. Суровое, непроницаемое, с тяжёлой челюстью и жёлтыми глазами, в которых не читалось ровным счётом ничего.

На нём была кожаная броня, поношенная, но добротная, с металлическими вставками. За спиной — огромный топор, таким, наверное, можно валить деревья. А может, и не только деревья.

Он посмотрел на меня.

Всего лишь посмотрел.

А мне показалось, что меня придавили скалой.

— Командир Гор, — представил его тот орк, что разговаривал со мной.

Гор. Имя суровое, как он сам. Как скала. Как удар топором.

Он молча прошёл к противоположной стенке шатра, сел на какую-то тумбу (которая жалобно скрипнула под его весом) и только тогда подал голос:

— Очухалась?

Голос низкий, рокочущий, как камнепад в горах. От этого голоса у меня мурашки побежали по спине.

— Я... да... то есть... — я запнулась, потому что под этим взглядом мысли разбегались, как тараканы от света. — Я пришла в себя, да.

— Хорошо, — кивнул Гор. — Есть хочешь?

— Что? — я моргнула, не ожидая такого вопроса.

— Есть, говорю, хочешь? — повторил он терпеливо, будто разговаривал с ребёнком или слабоумной. — Ты без сознания была долго. Организму нужно топливо.

— Я... не знаю... наверное...

— Покормите, — бросил Гор кому-то из орков.

Тот кивнул и вышел из шатра.

А я вдруг поняла, что сижу перед этим суровым командиром, в его шатре, окружённая его воинами, и никто меня не связывал, не пытал и даже не оскорблял. Более того, меня собираются кормить.

Это было так неожиданно, что мозг отказался это переваривать.

— Послушайте... — начала я, пытаюсь собраться с мыслями.

— Слушаю, — Гор даже не пошевелился, только жёлтые глаза смотрели на меня в упор.

— Я принцесса Элинор, дочь короля Теодора. Меня везли к жениху, принцу Леопольду. На нас напали. Вы меня спасли. Я... я благодарна, правда, но мне нужно домой. Мой отец...

— Твой отец далеко, — перебил Гор. — Дорога небез-

опасна. Наёмники, которые на вас напали, могут ждать тебя снова.

— Но я должна...

— Ты должна сидеть тихо и не дёргаться, — закончил за меня Гор. — Мы идём к нашему королю. Он решит, что с тобой делать.

— К вашему королю? — я похолодела. — В оркское королевство? Но это же...

— Что? — в жёлтых глазах мелькнуло что-то похожее на интерес. — Страшно?

— Это... неприлично! — выпалила я первое, что пришло в голову. — Я принцесса! Меня нельзя вот так просто тащить неизвестно куда! У меня платье порвано, волосы растрёпаны, туфли потерялись! Я не могу предстать перед королём в таком виде!

Орки вокруг замерли. А потом раздался звук, которого я никак не ожидала.

Смех.

Негромкий, сдержанный, но вполне отчётливый. Смеялись несколько орков, прикрывая рты ладонями и отворачиваясь. Даже Гор, кажется, дёрнул уголком губ, хотя я не была уверена — может, показалось.

— Туфли, — повторил тот орк, что сидел ближе всех, с явным наслаждением. — Она про туфли переживает.

— А вы бы на моём месте о чём переживали?! — вспыхнула я. — Вас бы похитили, притащили неизвестно куда, и

вы бы о туфлях не переживали?

— Нас бы убили, — спокойно ответил орк. — Так что о туфлях думать было бы некогда.

Я открыла рот, закрыла, снова открыла. Возразить было нечего.

В этот момент вернулся тот орк, которого посылали за едой. Он нёс деревянную миску, от которой шёл пар, и поставил её передо мной на какой-то ящик.

— Ешь, — приказал Гор.

Я заглянула в миску. Там было что-то, отдалённо напоминающее похлёбку. Мясо, какие-то коренья, зелень. Пахло... странно. Но не сказать чтобы противно.

— Я не могу есть это, — заявила я.

— Почему? — в голосе Гора появились металлические нотки.

— Потому что это... это... — я замаялась, потому что не знала, как объяснить. — Я принцесса! Я ем из фарфора! Серебряными приборами! А это... деревянная миска! И ложка деревянная! И вообще, я не знаю, что это за мясо!

— Это мясо, — терпеливо, как маленькой, объяснил Гор. — Его едят. Оно даёт силы. Бери ложку и ешь.

— Не буду!

Гор вздохнул. Так тяжело, что у меня волосы на голове шевельнулись от ветра.

— Слышала про такое: если не ешь, то слабеешь? Если слабеешь — болеешь? Если болеешь — умираешь?

— Я не собираюсь умирать!

— Тогда ешь.

Я посмотрела на миску. Потом на Гору. Потом снова на миску. Шнырк, почуяв запах еды, завозился у меня на коленях и жалобно пискнул.

— Шнырк тоже голодный, — сказала я, надеясь отвлечь внимание.

— Пусть ест из твоей миски, — пожал плечами Гор. — Мне не жалко.

— Он не будет есть из одной миски с... с...

— С кем? С принцессой? — в жёлтых глазах мелькнула усмешка. — Вы же одной крови, живые существа. Ешьте вместе.

Я поняла, что проигрываю эту битву. Взяв ложку, я зачерпнула немного похлёбки и попробовала.

И... это было вкусно. Очень вкусно. Наваристое мясо, ароматные травы, что-то острое, что приятно жгло язык. Я зачерпнула ещё. И ещё. Шнырк тоже сунул морду в миску, и мы ели по очереди, пока не опустошили её до дна.

— Молодец, — одобрительно сказал Гор. — Разумная.

Я отодвинула пустую миску и только тогда поняла, что на меня смотрят все орки в шатре. Смотрят с интересом, будто я выступаю в цирке.

— Что? — буркнула я, вытирая рот рукавом (потому что салфеток, конечно, не было).

— Ничего, — ответил Гор. — Отдохни. Завтра выступа-

ем.

— Куда выступаем? — насторожилась я.

— К королю. Я же сказал.

— Но я не хочу к королю! Я хочу домой!

— Твои хотения никого не волнуют, — отрезал Гор. — Будешь делать, что скажут.

— Как вы смеете?! — во мне вскипела та самая королевская кровь, которая до этого мирно дремала. — Я принцесса Элинор из дома Теодоров! Моя семья правит этим регионом уже триста лет! У меня в жилах течёт кровь древних королей! А вы... вы... зелёные варвары! Смеете указывать мне?!

Тишина в шатре стала абсолютной. Даже Шнырк замер, боясь дышать.

Гор медленно поднялся. Он возвышался надо мной, как гора, как скала, как воплощение самой суровой реальности.

— Варвары? — переспросил он тихо. Очень тихо. И от этой тишины мне стало страшнее, чем если бы он заорал.

Я сглотнула.

— Я... я хотела сказать...

— Ты хотела сказать, что мы, орки, недостойны даже смотреть на тебя, принцессу? — Гор сделал шаг ко мне. — Что мы должны преклонить колени и молиться на твои туфли, которых у тебя, кстати, нет?

— У меня есть туфли! — выпалила я, потому что это было единственное, что пришло в голову. — Просто они потерялись!

— Ах, потерялись, — кивнул Гор. — Конечно. Принцесса без туфель — это катастрофа. Что же делать?

— Не смейся надо мной!

— А кто смеётся? — он наклонился, приблизив своё лицо к моему. Вблизи он был ещё страшнее. Клыки, шрамы на скулах, глаза, горящие жёлтым огнём. — Я серьёзен, как никогда. Ты в моём лагере, принцесса. Ты ела мою еду. Ты спала на моих шкурах. Ты жива только потому, что я так решил. И если ты будешь продолжать орать про свои туфли и своё королевское достоинство, я могу и передумать.

— Ты не посмеешь, — прошептала я, но в голосе уверенности не было.

— Почему? — он усмехнулся, и от этой усмешки у меня кровь застыла в жилах. — Думаешь, твой папочка пойдёт на нас войной? Пусть идёт. Места на кладбище хватит.

— Мой отец...

— Твой отец далеко, — повторил Гор. — А я — здесь. Запомни это, принцесса. Здесь мои правила. Ты будешь делать, что я скажу. Будешь есть, что дадут. Будешь идти, куда поведут. И если я скажу «молчать» — ты замолчишь. Поняла?

Я хотела возразить. Хотела высказать всё, что думаю об этом наглом зелёном чудовище, которое смеет мне указывать. Но слова застряли в горле. Потому что в жёлтых глазах Гора не было жестокости. Там не было вообще ничего, кроме холодной решимости. Он не издевался. Он просто ставил меня перед фактом.

— Поняла, — выдавила я еле слышно.

— Громче.

— Поняла! — рывкнула я, сама удивляясь своей смелости.

Гор выпрямился и кивнул, будто именно этого и добивался.

— Умница. Отдыхай.

Он развернулся и вышел из шатра, даже не взглянув на меня. Остальные орки потянулись за ним, перешёптываясь и поглядывая на меня с любопытством.

Когда шатёр опустел, я обессиленно откинулась на шкуры и уставилась в потолок.

Шнырк залез ко мне на грудь и лизнул в подбородок.

— Шнырк, — прошептала я, — кажется, мы влипли. Это не просто орки. Это какой-то... командир. Суровый. Страшный. И он будет мной командовать.

Шнырк сочувственно пискнул.

— А ещё он сказал, что я буду идти, куда поведут. Пешком? В порванном платье? Без туфель?

При мысли о туфлях у меня защипало в глазах. Глупо, конечно, переживать о такой ерунде, когда кругом враги, а люди, которых ты знала, мертвы. Но туфли были последним кусочком нормальности. Последней ниточкой к той жизни, где я была принцессой, а не пленницей.

— Ладно, — сказала я, вытирая глаза. — Плакать бесполезно. Нужно думать, как выбираться.

Шнырк согласно кивнул.

— Но сначала... надо понять, что это за орки. Кто этот Гор. И почему он меня спас, а не добил, как тех наёмников.

Шнырк задумался. По его мордочке было видно, что мыслительный процесс идёт тяжело, но он старается.

— Ладно, завтра разберёмся, — я погладила его по пушистой спинке. — А пока — спать. Силы нужны.

Я устроилась поудобнее на шкурах, прижала к себе тёплый пушистый комочек и закрыла глаза.

За стеной шатра слышались голоса орков, их грубый смех, конское ржание, треск костров. Чужой мир. Чужая жизнь.

Но, странное дело, страшно уже не было. Тревожно — да. Непонятно — да. Но не страшно.

Может, потому что этот Гор, при всей своей суровости, не сделал мне ничего плохого. Может, потому что Шнырк был рядом. А может, потому что внутри меня проснулось что-то новое — желание выжить во что бы то ни стало.

Я засыпала под звуки чужого лагеря, и впервые за долгое время мне ничего не снилось. Просто тёмный, спокойный провал, из которого я вынырнула только утром.

Разбудил меня громкий голос:

— Подъём, принцесса! Солнце уже высоко!

Я подскочила, спросонья не понимая, где нахожусь. Шнырк, спавший у меня на голове, недовольно запищал и

сполз на подушку.

Передо мной стоял тот самый орк, который приносил еду. Звали его, как выяснилось позже, Круг (я сначала подумала, что это шутка, но нет — у орков были странные имена).

— Чего встала? — удивился Круг. — Одевайся, завтракай, выступаем через час.

— Во что одеваться? — мрачно спросила я, оглядывая своё платье. Оно когда-то было красивым, голубым, с серебряной вышивкой. Теперь оно напоминало тряпку, которой мыли пол — грязное, порванное, местами прожжённое (видимо, искры от костра долетели).

Круг окинул меня оценивающим взглядом и хмыкнул.

— Да, видок у тебя... Сейчас что-нибудь принесу.

Он вышел и через минуту вернулся с ворохом одежды.

— Вот. Одежда наших женщин. Не принцесская, конечно, но чистая.

Я посмотрела на то, что он принёс. Кожаные штаны, грубая рубаша, жилетка, тёплый плащ. И сапоги. Грубые, тяжёлые, явно не по размеру.

— Это?.. — я замялась. — Я никогда не носила штаны.

— Время начнёшь, — философски заметил Круг. — В платье по горам не находишься. Давай, одевайся. Я посторожу снаружи.

Он вышел, а я осталась наедине с ворохом кожаных изделий.

— Шнырк, — сказала я, — кажется, моя жизнь сделала

крутой поворот.

Шнырк одобрительно твякнул — ему, кажется, идея с кожаными штанами понравилась.

Одеваться было трудно. Я никогда не надевала штаны, и процесс занял минут десять. Рубаха оказалась велика, жилетка мала, сапоги пришлось набить тряпками, чтобы не болтались на ноге. Но когда я посмотрела на себя в маленькое зеркальце, которое нашлось в углу (чье оно — осталось загадкой), я удивилась.

— А ничего так, — сказала я своему отражению. — Даже интересно.

Шнырк согласно кивнул.

Когда я вышла из шатра, Круг присвистнул.

— Красавица! Сразу видно — боевая женщина!

— Я не боевая, — поправила я. — Я принцесса.

— Принцесса в штанах, — хмыкнул Круг. — Пойдём, командир ждёт.

Гор сидел у костра и завтракал. Он даже не поднял головы, когда я подошла, просто указал рукой на свободное место.

— Садись. Ешь.

Я села. Рядом со мной тут же устроился Шнырк, с надеждой глядя на миску.

Завтрак состоял из каши с мясом и каких-то лепёшек. Я ела молча, потому что поняла: спорить бесполезно. Да и вкусно было, чего уж там.

— Сегодня выступаем, — сказал Гор, когда я доела. —

Идём к нашему королю. Дорога займёт несколько дней. Будешь делать, что скажут, не отставай, не жалуйся.

— А лошадь у меня будет? — спросила я.

— Будет. Но ездить умеешь?

— Я принцесса. Конечно, умею.

— По-орочьи? — уточнил Гор, и в его глазах мелькнул смех. — Без седла, без стремян, по горам?

Я сглотнула.

— По-человечьи.

— Значит, будешь учиться, — заключил Гор. — Круг, подбери ей смирную лошадь. И привяжи покрепче, чтоб не свалилась.

— Я не собираюсь падать! — возмутилась я.

— Все так говорят, — отмахнулся Гор. — До первого ушиба.

Он поднялся и ушёл, оставив меня с Кругом и полной миской недоеденной каши.

— Не обижайся на командира, — сказал Круг примирительно. — Он суровый, но справедливый. Если будешь слушаться — не обидит.

— Я принцесса! — напомнила я. — Меня нельзя обижать в принципе!

— Здесь можно, — вздохнул Круг. — Привыкай, принцесса. Здесь всё по-другому.

Я посмотрела на лагерь, на суетящихся орков, на огромных лошадей, на оружие, горы и небо над головой. И поняла,

что он прав.

Всё действительно по-другому.

И мне придётся к этому привыкать.

Хочешь ты этого или нет.

— Ладно, — сказала я, поднимаясь. — Веди, Круг. Пока-
зывай мою лошадь.

Круг одобритительно хлопнул меня по плечу так, что я чуть
не упала.

— Молодец, принцесса! Быстро учишься!

Я пошла за ним, прижимая к себе Шнырка, и думала о
том, что моя жизнь определённо стала интереснее. Намного
интереснее, чем я могла себе представить.

И где-то в глубине души, признаться честно, мне это даже
начинало нравиться.

Но об этом я ни за что не призналась бы вслух.

Особенно при Горе.

Глава 5

Утро в лагере орков начиналось рано. Настолько рано, что это время можно было смело называть «ночью, которая ошиблась дверью». Едва забрезжил рассвет, вокруг закипела жизнь: ржали кони, гремели котлы, орали (иначе не скажешь) орки, перекликаясь друг с другом.

Я лежала на ворохе шкур, прижимая к себе Шнырка, и делала вид, что сплю. Во-первых, потому что спать действительно хотелось. Во-вторых, потому что выходить в этот шумный, пахнущий кожей и дымом мир совершенно не хотелось.

Но судьба, как выяснилось, плевать хотела на мои хотения.

— Подъём, принцесса! — рявкнул Круг, заглядывая в шатёр. Голос у него был такой, что у меня заложило уши. — Выступаем через час!

— Я сплю! — простонала я в ответ, натягивая шкуру на голову.

— Будешь спать, когда помрёшь! — философски заметил Круг и исчез.

Шнырк, разбуженный этим криком, недовольно заворчал и ткнулся носом мне под мышку.

— Он прав, Шнырк, — вздохнула я, садясь. — Вставать всё равно придётся. Пошли умываться.

Умывание представляло собой отдельный квест. Воды в лагере было мало, и орки явно не разделяли моих представлений о гигиене. Круг выдал мне кружку воды и кусок какого-то жёсткого мыла, пахнувшего дёгтем и ещё чем-то неуловимо противным.

— На, умойся, — сказал он. — Вон там ручей, но вода холодная.

Я посмотрела на ручей. Вода в нём была такого цвета, что я засомневалась, стоит ли в неё лезть.

— А потеплее нет?

— Могу костёр развести, греть, — предложил Круг. — Но тогда через два часа выедем.

Я представила, что скажет Гор, если мы задержимся из-за моих водных процедур, и решила, что холодная вода — не самый страшный вариант.

Умывание заняло пять минут, и я выскочила из ручья быстрее, чем ошпаренная кошка. Вода действительно была ледяной. Шнырк, который наблюдал за моими мучениями с берега, откровенно потешался — я готова поклясться, что он улыбался своей пушистой мордой.

— Смейся, смейся, — проворчала я, вытираясь каким-то подобием полотенца. — Вот попадёшь в воду — узнаешь.

Вернувшись в лагерь, я застала там активную подготовку к выступлению. Орки сворачивали шатры, грузили поклажу на лошадей, проверяли оружие. Всё это делалось быстро, слаженно, без лишних слов.

Гор стоял в центре этого муравейника и отдавал приказы. Он даже не смотрел в мою сторону, но я кожей чувствовала его присутствие. Как будто в лесу стоит медведь — ты его не видишь, но знаешь, что он где-то рядом.

— Принцесса! — окликнул меня Круг. — Иди сюда, твой транспорт готов!

Я подошла и замерла.

Транспортом оказалась повозка. Обычная крестьянская повозка на двух колёсах, запряжённая какой-то лохматой лошадкой. В повозке лежало сено. Много сена. А поверх сена — какая-то упряжь, верёвки и, кажется, старое седло.

— Это что? — спросила я, хотя ответ уже знала.

— Повозка, — пожал плечами Круг. — Твоя.

— А где... где подушки? Где мягкие сиденья? Где хотя бы навес от солнца?

— А это зачем? — искренне удивился Круг.

— Как зачем?! Чтобы принцессе было удобно! Чтобы спина не болела! Чтобы...

— Слушай, принцесса, — перебил меня Круг, почесывая затылок, — мы на войну идём, а не на бал. У нас лишних подушек нет. И сидений нет. И навесов нет. Есть сено. Хочешь — сиди на сене, хочешь — иди пешком.

— Я не могу идти пешком! Это три дня пути!

— Ну вот, — обрадовался Круг, — значит, будешь сидеть на сене. Всё логично.

Я открыла рот, чтобы высказать всё, что думаю об этой

логике, но в этот момент рядом материализовался Гор.

— Проблемы? — спросил он, глядя на меня сверху вниз.

— Ваш... твой... этот... — я задохнулась от возмущения, — этот Круг сказал, что я буду ехать в повозке с сеном!

— Да, — кивнул Гор. — И что?

— Как что?! Я принцесса! Мне нужна отдельная карета! С подушками! С балдахином! С...

— С балдахином, — повторил Гор без всякого выражения. — Понял.

Он повернулся к Кругу:

— Круг, у нас есть балдахин?

— Не, командир, — вздохнул Круг. — Балдахинов нет. В обозе только сено, верёвки и запасные подковы.

— Жаль, — сказал Гор, и мне показалось, или в его голосе действительно промелькнуло сожаление? — Придётся тебе, принцесса, без балдахина.

— Вы издеваетесь? — прошипела я.

— Нисколько, — Гор смотрел на меня абсолютно серьёзно. — Это лучший транспорт, который мы можем тебе предложить. Хочешь ехать — садись в повозку. Не хочешь — иди пешком. Выбирай.

Я посмотрела на повозку. На сено, из которого торчали какие-то колючки. На лошадиную сбрую, сваленную кучей. На грязные верёвки.

Потом посмотрела на дорогу, уходящую в горы.

— В повозке есть место для Шнырка? — спросила я мрач-

но.

Гор моргнул. Кажется, он ожидал другого вопроса.

— Для... кого?

— Для Шнырка. Моего зверька.

— А, для крысы, — кивнул Гор. — Места полно. Пусть сидит.

— Он не крыса! — рявкнула я, забираясь в повозку. — Он Шнырк!

Сено оказалось колючим и пахло мышами. Я устроилась поудобнее, подложив под себя какой-то мешок, и посадила Шнырка рядом. Он с интересом обнюхивал сено, верёвки и особенно заинтересовался куском упряжи, который валялся неподалёку.

— Не трогай, — предупредила я. — Ещё неизвестно, чьё это.

Шнырк покосился на меня с выражением «Я только посмотрю» и продолжил изучать окрестности.

Колонна тронулась. Впереди ехали всадники во главе с Гором, за ними тянулись несколько повозок с припасами, а замыкали шествие ещё орки на лошадях. Моя повозка была где-то в середине.

Первые полчаса я пыталась сохранять достоинство. Сидела ровно, смотрела прямо перед собой и старалась не замечать, как сено колется сквозь штаны. Шнырк сидел рядом и тоже пытался быть серьёзным.

Потом началась тряска.

Дорога, если это можно было назвать дорогой, представляла собой череду ухабов, камней и ям. Повозка подпрыгивала на каждом сантиметре, меня подбрасывало, и очень скоро я перестала думать о достоинстве и начала думать о том, как бы не откусить себе язык.

— Шнырк, держись! — крикнула я, когда очередной ухаб подбросил нас обоих чуть ли не до неба.

Шнырк вцепился в сено и издал звук, очень похожий на ругательство. Я не знала, умеют ли зверьки ругаться, но этот точно умел.

К обеду я представляла собой жалкое зрелище. Волосы растрепались, в них застряли травинки, одежда пропиталась запахом сена, а спина болела так, будто я сама тащила эту повозку.

— Привал! — донеслось откуда-то спереди.

Колонна остановилась. Я кое-как выползла из повозки и обнаружила, что ноги не держат — они тряслись, как желе.

— Как поездка, принцесса? — поинтересовался Круг, проходя мимо.

— Замечательно, — проскрежетала я. — Просто райское наслаждение.

— Это потому что равнина, — обрадовал меня Круг. — В горах веселее будет.

Я представила, что значит «веселее» в горах, и мне захотелось зарыдать.

Шнырк, выбравшийся следом, потянул носом и вдруг на-

сторожился. Его уши встали торчком, глаза загорелись знакомым хулиганским огоньком.

— Шнырк, ты чего? — спросила я. — Есть хочешь?

Шнырк мотнул головой и уставился куда-то в сторону. Я проследила за его взглядом и увидела Гора.

Командир спешил и возился у своего коня. Поправлял сбрую, проверял подпругу — словом, делал обычные командирские дела. Его огромный вороной конь стоял смирно, только ушами прядал.

Шнырк смотрел на Гора с таким выражением, будто что-то задумал.

— Шнырк, не смей, — прошептала я, хотя понятия не имела, что именно он задумал. — Это командир. Он опасный.

Шнырк покосился на меня, и во взгляде его читалось: «Я знаю, что делаю».

И прежде чем я успела его схватить, он шмыгнул в траву и исчез.

— Шнырк! — позвала я шёпотом, но тщетно.

Я заметалась, пытаюсь понять, куда он делся. Орки вокруг занимались своими делами, никто не обращал на меня внимания. Я сделала несколько шагов в ту сторону, где скрылся Шнырк, и замерла.

Шнырк был уже у лошади Гора.

Он подкрался незаметно, пользуясь тем, что все смотрят куда угодно, только не под ноги. Замер на секунду, оценивая

обстановку, а потом вцепился зубами в ремень подпруги.

— Нет! — выдохнула я, но Шнырк уже грыз.

Зубы у него оказались острыми. Ремень поддался с тихим треском. Шнырк грызнул ещё раз, ещё — и подпруга лопнула.

Шнырк молнией метнулся обратно в траву и через несколько секунд уже сидел у меня на плече, довольно облизываясь.

— Ты что наделал? — прошептала я в ужасе.

Шнырк только моргнул своими невинными глазищами.

А в следующий момент Гор взялся за стремя, чтобы сесть на коня.

Он поставил ногу в стремя, подтянулся... и седло вместе с ним поехало вбок.

Конь всхрапнул и шарахнулся в сторону. Гор, потерявший опору, нелепо взмахнул руками, пытаясь удержаться, но гравитация — дама суровая. Командир орков, гроза врагов и ужас наёмников, с глухим звуком «шлёп» рухнул лицом прямо в грязь.

Ту самую грязь, которая образовалась после утреннего дождя. Жидкую, коричневую, глубокую.

Тишина наступила такая, что было слышно, как муха пролетает.

Весь лагерь замер. Орки смотрели на своего командира, распластавшегося в луже, с выражением глубочайшего шока. Кто-то поперхнулся водой. Кто-то выронил ложку. Кто-

то издал странный звук, похожий на удушье.

Гор медленно поднял голову.

Она была вся в грязи. Зелёная кожа покрылась коричневой жижей, клыки блестели от налипшей травы, а в жёлтых глазах горело такое... такое...

Я не сразу поняла, что именно горело в его глазах. А когда поняла — мне стало одновременно страшно и до ужаса смешно.

Он знал.

Он не знал, кто именно это сделал, но знал, что это не случайность. Подруга не могла лопнуть сама — она была новой, добротной, проверенной.

И в этот момент я не выдержала.

Из моего рта вырвался звук. Сначала тихий, потом громче. Это был смех. Самый настоящий, злорадный, счастливый смех.

Я хохотала, глядя на грязного, разъярённого командира, и ничего не могла с собой поделать. Шнырк на моём плече довольно урчал и тоже, кажется, посмеивался.

— Элинор, — голос Гора прозвучал тихо, но его услышали все. — Это твоих рук дело?

— Моих? — я с трудом остановила смех. — Командир, вы серьёзно? Я сидела в повозке всё это время. Спросите кого угодно.

— Тогда чьих?

— Может, это... ну... само? — я сделала невинное лицо.

— Подпруга старая, наверное.

— Она новая, — отрезал Гор, поднимаясь. Грязь текла с него ручьями.

— Ну... значит, брак производства, — я пожала плечами и снова хихикнула, потому что удержаться было невозможно.

— Вы бы пожаловались поставщику.

Орки вокруг замерли в ужасе. Смеяться над командиром? Так, чтобы он видел? Это ж самоубийство!

Но Гор вдруг... усмехнулся.

Нет, не так. Уголок его рта дёрнулся. Совсем чуть-чуть. Но я это заметила.

— Ты смеёшься надо мной, принцесса? — спросил он, вытирая лицо рукавом. Грязь размазалась, стало только хуже.

— Я? Над вами? — я приложила руку к сердцу. — Ни в коем случае! Я просто... радуюсь жизни. Солнышко светит, птички поют...

— Какие птички? — буркнул Круг, выглядывая из-за повозки. — Тут одни стервятники летают.

— И стервятники хороши, — не сдавалась я. — Главное — позитивный настрой.

Гор смотрел на меня долго, очень долго. Я уже начала думать, что сейчас он меня приберёт. Но вместо этого он вдруг повернулся к своему коню, оглядел лопнувшую подпругу и сказал:

— Круг, новую подпругу. И проследи, чтобы её никто не грыз.

— Кто ж её грызть-то будет? — удивился Круг.

— Я знаю кто, — Гор бросил взгляд на Шнырка, который всё ещё сидел у меня на плече и делал вид, что он просто пушистое украшение. — Маленькие, пушистые, зубастые твари.

— Шнырк не тварь! — возмутилась я.

— А кто?

— Он... он зверёк! Домашний!

— Домашние зверьки не грызут командирские сёдла, — резонно заметил Гор.

— Откуда вы знаете, что это он? Может, этомышь была?

— Мыши не перегрызают кожу толщиной в палец.

Я поняла, что спор проигран, но отступить было не в моих правилах.

— Улик нет, — заявила я. — А без улики обвинять невинного зверька — это... это произвол!

Гор снова усмехнулся. На этот раз явно.

— Ты мне нравишься, принцесса, — сказал он неожиданно. — Нахальная. С характером.

Я опешила. Это что, комплимент? От орка?

— Но если твой зверёк ещё раз тронет моё снаряжение, — продолжил Гор, — я лично сделаю из него воротник. Поняла?

— Поняла, — буркнула я, прижимая Шнырка крепче.

Гор кивнул и пошёл к ручью — отмываться от грязи. Орки вокруг начали оживать, перешёптываться и поглядывать

на меня с новым выражением. Кажется, я только что поднялась в их глазах. Или наоборот, опустилась до уровня самоубийцы — пока непонятно.

— Ты чего творишь? — зашипел на меня Круг, подходя поближе. — Командира позорить? Это ж смерть!

— Я ничего не творила, — я пожала плечами. — Это Шнырк.

— А кто разрешил Шнырку?

— А кто его спросит? Он сам по себе.

Круг посмотрел на Шнырка. Шнырк посмотрел на Круга. В этом взгляде читалось: «И что ты мне сделаешь?»

— Станный у тебя зверь, — вынес вердикт Круг. — Но забавный. Ладно, командир отходчивый. До вечера, может, забудет.

— А если не забудет?

— Тогда тебе конец, — философски заметил Круг и ушёл помогать с перепряжкой.

Я осталась стоять посреди лагеря, прижимая к себе Шнырка, и пыталась осмыслить произошедшее. Я только что видела, как грозный командир орков валяется в грязи. Я над ним смеялась. И он меня не убил.

Более того, кажется, я ему понравилась.

Или не понравилась, а просто заинтересовала. Как новый вид насекомых, которых раньше не видел.

— Шнырк, — прошептала я, — ты гений. Но если он нас убьёт, я тебе этого не прощу.

Шнырк согласно моргнул и ткнулся носом мне в ухо. Мол, не бойся, я всегда рядом.

Дальнейший путь прошёл без происшествий. Шнырк сидел смирно, только иногда поглядывал в сторону Гора с выражением «я ещё вернусь». Я молилась всем богам, чтобы он не вернулся прямо сейчас.

К вечеру мы добрались до какого-то ущелья и разбили лагерь. На этот раз мне выделили отдельный маленький шатёр — не потому что я принцесса, а потому что «чтоб не путалась под ногами».

Я сидела у входа, смотрела на закат и гладила Шнырка. В животе урчало — днём я так и не поела, потому что от переживаний кусок в горло не лез.

— Элино́р, — раздался голос за спиной.

Я подскочила. Сзади стоял Гор. Чистый, переодетый, с абсолютно непроницаемым лицом.

— Я... я ничего не делала! — выпалила я. — Шнырк тоже сидит смирно!

— Я не за этим, — Гор протянул руку. В ней был какой-то свёрток. — Держи.

Я осторожно взяла. В свёртке оказалась еда — мясо, лепёшка, кусок сыра.

— Это... мне?

— Тебе. И крысе твоей. Ешьте.

— Спасибо, — выдохнула я, не веря своим глазам.

Гор кивнул и уже собрался уходить, но остановился.

— Смешная ты, — сказал он, не оборачиваясь. — Давно надо мной никто не смеялся.

И ушёл.

Я смотрела ему вслед, открыв рот. Шнырк уже впился зубами в мясо и довольно урчал.

— Шнырк, — сказала я задумчиво, — кажется, этот суровый командир не такой уж суровый.

Шнырк согласно кивнул, не отрываясь от еды.

— Или он просто откладывает нашу казнь на потом, — добавила я. — Чтобы помучились неизвестностью.

Шнырк замер, перестал жевать и посмотрел на меня с ужасом.

— Ладно, шучу, — я погладила его. — Ешь давай.

Мы поели, глядя на звёзды, которые начали зажигаться над ущельем. Где-то в лагере смеялись орки, пахло дымом и жареным мясом. Было почти уютно.

— Знаешь, Шнырк, — сказала я, — а ведь могло быть хуже. Нас могли убить те наёмники. А эти... они просто везут нас к своему королю. Кормят. Даже шатёр дали.

Шнырк согласно зевнул.

— И командир этот... Гор... он странный. Суровый, но не злой. Смеяться над собой позволяет. Еду приносит.

Шнырк насторожился.

— Что? — спросила я. — Думаешь, я слишком хорошо о нём думаю?

Шнырк кивнул.

— Ладно, не буду. Просто... просто интересно, что будет дальше.

А дальше будет новый день. Новая дорога. И новые приключения.

С этими мыслями я забралась в шатёр, устроилась на шкурах, прижала к себе тёплого Шнырка и закрыла глаза.

И впервые за долгое время засыпала с улыбкой.

Потому что где-то в глубине души, признаться честно, мне было чертовски интересно, что же этот суровый командир выкинет завтра.

И что выкинет Шнырк.

Особенно Шнырк.

Глава 6

Путь до столицы орков занял ещё два дня. Два долгих, бесконечных дня, в течение которых я успела возненавидеть сено, полюбить вяленое мяса (потому что другой еды не было) и выучить несколько десятков слов на орочьем языке, преимущественно ругательных. Шнырк, кстати, тоже пополнил свой словарный запас и теперь при каждом удобном случае выдавал такие рулады, что орки вокруг начинали ржать.

Гор за эти два дня почти не разговаривал со мной. Он ехал впереди колонны, суровый и неприступный, и лишь изредка оборачивался, чтобы проверить, не отстала ли моя повозка. Я делала вид, что не замечаю этих взглядов, хотя на самом деле замечала. И каждый раз, когда наши глаза встречались, я вспоминала, как он лежит в грязи, и меня пробирал смех.

— Ты чего хихикаешь? — спросил Круг, который сегодня ехал рядом с моей повозкой.

— Так, вспомнила кое-что смешное, — туманно ответила я.

Круг понимающе хмыкнул.

— Ты смотри, командир мужик отходчивый, но злопамятный. Если он узнает, что это ты его тогда...

— Это не я! — возмутилась я. — Это Шнырк!

Шнырк, сидевший у меня на коленях, при этих словах поднял голову и посмотрел на Круга с выражением «Ну да,

я, и что?». —

— Странный у тебя зверь, — повторил Круг свою любимую фразу. — Ладно, скоро приедем. Вон уже башни видно. Я привстала в повозке и посмотрела вперёд.

Башни действительно были видны. Они возвышались над скалами, массивные, чёрные, сложенные из огромных каменных глыб. Над ними развевались флаги — красные, с изображением какого-то зверя, похожего на медведя, но с клыками.

— Красиво, — вырвалось у меня.

— Это крепость, — поправил Круг. — Наша столица. Город Ур-Тарак.

— Что значит «Ур-Тарак»?

— «Каменное сердце», — перевёл Круг. — Потому что сердце у нас каменное. И город из камня.

Я промолчала. Сравнение было точным.

Чем ближе мы подъезжали, тем больше я удивлялась. Город орков оказался не примитивным скопищем хижин, как я себе представляла, а настоящей крепостью. Мощные стены, башни, ворота, окованные железом. На стенах стояли часовые — огромные орки в доспехах, с копьями наперевес.

Когда наша колонна приблизилась к воротам, они медленно открылись. Нас пропускали без вопросов — видимо, Гора здесь знали.

Внутри город оказался... обычным. Почти. Узкие улицы, каменные дома, лавки, кузницы, люди (да-да, люди!) сную-

щие туда-сюда. Орки и люди жили здесь бок о бок, и это было так неожиданно, что я даже рот открывала.

— Что, не ожидала? — усмехнулся Круг, заметив моё удивление.

— Думала, у вас тут... ну...

— Дикари в шкурах? — хмыкнул Круг. — Это люди так про нас думают. А мы торгуем, строим, воюем. Как все.

Я пристыженно замолчала. Действительно, чего это я? Сама терпеть не могу, когда про людей говорят что-то подобное, а тут повела себя точно так же.

Колонна остановилась на большой площади перед самым внушительным зданием, которое я когда-либо видела. Это был дворец. Настоящий дворец, хоть и сложенный из грубого камня. Высокие колонны, широкие лестницы, резные двери.

— Приехали, — сказал Круг. — Дворец короля Брумара. Слезай, принцесса. Сейчас предстанешь пред светлые очи.

— А можно я сначала умоюсь и переоденусь? — жалобно спросила я.

— Нельзя, — отрезал Круг. — Король не любит ждать.

Я вздохнула, подхватила Шнырка на руки и полезла из повозки. Вид у меня был, мягко говоря, непрезентабельный. Волосы торчали в разные стороны, одежда пропиталась запахом сена и лошадей, на щеке красовалось какое-то пятно непонятного происхождения.

— Я похожа на пугало, — констатировала я.

— На очень красивое пугало, — утешил Круг. — Идём.

Мы поднялись по лестнице, прошли через огромные двери и оказались внутри. Внутри дворец оказался ещё внушительнее. Высокие потолки, факелы на стенах, каменные статуи каких-то древних орков. Стража в доспехах замерла вдоль стен, провожая нас глазами.

— Стой здесь, — приказал Круг, останавливаясь перед огромными дверями в конце зала. — Я доложу.

Он скрылся за дверями, оставив меня одну. Ну, не совсем одну — Шнырк был со мной, и это придавало сил. Он сидел у меня на плече, настороженно поводя ушами, и явно оценивал обстановку на предмет того, что здесь можно стянуть.

— Шнырк, води себя прилично, — прошептала я. — Это королевский дворец. Здесь нельзя воровать.

Шнырк посмотрел на меня с выражением «Кто, я? Да ни за что!», и я сразу поняла, что он обязательно что-нибудь украдёт.

Двери распахнулись.

— Входи! — гаркнул Круг.

Я глубоко вздохнула, расправила плечи (насколько позволяла мятая рубаха) и шагнула внутрь.

Тронный зал орков оказался огромным. Настолько огромным, что мои шаги гулко отдавались эхом. Высокие колонны уходили в темноту под потолком, факелы горели с обеих сторон, а в конце зала, на возвышении, стоял трон.

И на этом троне сидел король.

Я ожидала увидеть что-то монументальное. Ещё одного Гора, только старше и злее. Но король Брумар оказался... другим.

Он был стар. Очень стар. Его зелёная кожа покрылась морщинами, клыки стёрлись, волосы (точнее, то, что от них осталось) поседели и торчали в разные стороны. Он сидел, сгорбившись, опираясь на подлокотники трона, и смотрел на меня усталыми жёлтыми глазами.

Рядом с троном стоял Гор. Суровый, непроницаемый, как всегда.

Я подошла ближе и остановилась, не зная, полагается ли приседать в реверансе перед королём орков. Решила не рисковать — просто кивнула.

— Ваше величество, — начала я официальным тоном. — Позвольте представиться: принцесса Элинор, дочь короля Теодора из дома Теодоров.

Король молчал. Он смотрел на меня и, кажется, не моргал.

— Я... э-э... благодарна за спасение, — продолжила я, начиная нервничать под этим взглядом. — Но я требую, чтобы меня немедленно вернули отцу!

Король молчал.

— Репатриации! — добавила я громче. — Я требую репатриации!

Король молчал.

— Вы меня слышите? — я повысила голос. — Я принцесса! Меня нельзя держать здесь! Мой отец заплатит выкуп!

Любой выкуп!

Тишина. Король смотрел на меня, и в его глазах начало появляться что-то странное. То ли раздражение, то ли интерес.

— И вообще! — во мне разыгралась королевская кровь. — Это возмутительно! Меня везли в повозке с сеном! Кормили какой-то дрянью! Не дали даже умыться перед аудиенцией! Я похожа на... на...

— На пугало, — подсказал Гор негромко.

— Да! На пугало! — согласилась я и тут же опомнилась: — А вы вообще молчите! Я с королём разговариваю!

— А я что, по-твоему, делаю? — вдруг подал голос король.

Я замерла. Голос у него оказался неожиданно молодым и звонким, совсем не соответствующим внешности.

— Вы... вы молчали, — растерянно сказала я.

— Я думал, — ответил король. — Думал, зачем мне это всё. Слушай, девочка, а ты всегда так орёшь?

— Я не ору, — оскорбилась я. — Я излагаю требования!

— А по-моему, орёшь, — вздохнул король. — Гор, она всегда так орёт?

— Всегда, ваше величество, — подтвердил Гор. — Особенно когда про туфли.

— Какие туфли? — оживился король.

— Её туфли потерялись при нападении, — объяснил Гор. — Она очень переживает.

— Ах туфли, — кивнул король. — Понимаю. У моей жены тоже были туфли. Она без них тоже орала.

— Ваша жена была орчихой? — спросила я, забыв о приличиях.

— Была, — грустно сказал король. — Умерла двадцать лет назад. И туфли её до сих пор стоят в шкафу. Я иногда смотрю на них и вспоминаю, как она орала.

Я не знала, что на это ответить. Ситуация становилась всё более сюрреалистичной.

— Ваше величество, — попыталась я вернуться к теме. — Я понимаю, что у вас тут свои порядки, но я должна вернуться домой. Мой отец будет волноваться. И потом, этот брак с принцем Леопольдом...

— С каким ещё Леопольдом? — перебил король.

— С принцем соседнего королевства. Меня везли к нему, чтобы заключить династический союз.

— А, это который с книжечкой ходит и записывает, кто как чихнул? — оживился король. — Слышал я про него. Говорят, зануда редкостный.

— Возможно, — согласилась я. — Но это мой долг.

— Долг, — повторил король задумчиво. — У меня тоже долг. Сидеть здесь, на этом троне, и слушать, как всякие принцессы орут про репатриацию. Слушай, девочка, а может, ну его, этого Леопольда? Оставайся у нас. У нас весело. Гор, скажи, у нас весело?

— Не очень, ваше величество, — честно ответил Гор.

— Ну да, — согласился король. — У нас скучно. Все воюют, потом мирятся, потом снова воюют. А ты бы нам немножко оживления принесла. Орала бы тут, про туфли рассказывала...

— Я не собираюсь здесь оставаться! — воскликнула я. — Я требую, чтобы меня вернули отцу!

— Ну вот, опять орёт, — поморщился король. — Гор, а почему она вообще здесь? Я думал, вы там с наёмниками разобрались и всё.

— Разобрались, ваше величество. Она была единственной выжившей. Мы не могли оставить её на дороге.

— Могли, — возразил король. — Могли. Но вы не оставили. И что мне теперь с ней делать?

— Отправить домой, — подсказала я. — С почётным эскортом. С подушками. С удобной каретой.

— С каретой? — удивился король. — У нас карет нет. У нас только повозки с сеном.

— Значит, с повозкой! Но с подушками!

Король посмотрел на Гора. Гор пожал плечами.

— Ваше величество, — начал он, — мы можем отправить её обратно. Я сам отвезу. Но наёмники, которые напали, до сих пор где-то там. Если они снова...

— А если они снова, ты их порубишь, — отмахнулся король. — Ты же у меня лучший командир. Тебе что, жалко каких-то наёмников порубить?

— Не жалко, — признал Гор. — Но принцесса... она...

— Что — она?

— Она капризная, — выпалил Гор. — Очень. И орёт постоянно.

Я возмущённо открыла рот, но король меня опередил:

— Так тем более! Отвези её обратно! Пусть орёт в своём королевстве! А здесь тишина! Ты знаешь, как я люблю тишину? Я старый, Гор. Я хочу сидеть на этом троне и ничего не слышать, кроме потрескивания факелов. А не вот это вот: «Репатриация! Туфли! Леопольд!»

Король явно входил в раж. Он даже приподнялся на троне, что, судя по всему, давалось ему с трудом.

— Ваше величество, — попробовал возразить Гор, — но дорога опасна...

— А ты что, не справишься? — король уставился на него с вызовом. — Ты, мой лучший командир, боишься каких-то наёмников?

— Не боюсь, — сквозь зубы процедил Гор. — Но...

— Никаких «но»! — рявкнул король. — Забирай эту... эту... как её... принцессу и увози обратно! Немедленно! Иначе я отрекусь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.